

ДВА МИРА

I. Первая радость

Я счастлив, что снова в Москве. Этой весной мне довелось проехать по всей Европе. Как делегат Всемирного конгресса сторонников мира я был в Париже. Никогда не забуду тех дней, когда все мы, делегаты конгресса, а вместе с нами и народы мира, почувствовали силу простых людей, полных решимости сражаться против войны.

После конгресса я побывал в странах народной демократии и воочию увидел, с каким энтузиазмом рабочие и крестьяне строят новую жизнь. Все это было необычайно прекрасно и впечатляюще. И все-таки, когда под крылом самолета показались советская земля, меня охватило неизлечимое волнение.

Помню, я тихо напевал слова одной из любимых моих песен:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Я пел эту песню во всех уголках земли, на самых разных языках, людям разных профессий. Заветные слова ее для меня неразрывно связаны с моей жизнью. Ваша страна, дорогие читатели «Комсомольской правды», — моя вторая родина, и память о первой моей встрече со страной социализма, с советскими людьми неизгладима.

В далекие дни моего первого приезда в СССР я был уже профессиональным актером — пел в концертах, выступал на сцене. Но и в Америке и в Англии я чувствовал себя неравноправным членом общества. Негр — этим сказано все. Негр должен знать там свое место, кто бы он ни был — известный писатель, актер, художник...

В 1934 году мы с женой решили посетить советскую страну, о которой я слышал много замечательного. Путь мой лежал через нацистскую Германию.

Фашисты придали рассуждениям о «неполноценности» чернокожих людей вид законченной человеконенавистниче-

ской теории. В Берлине нам предстояла пересадка. Моя жена отлучилась к телефону, я остался на перроне вдвоем с нашей спутницей — англичанкой, женщиной прогрессивных взглядов. Вскоре я заметил, что рядом с нами остановилась какая-то дама. Вслед за ней, один за другим, застыли прохожие. В их глазах была ненависть. Цветной осмелился появиться с белой! Они готовы были разорвать меня на куски.

Такая же встреча была нам оказана и на улицах Варшавы — столицы бывшей панской Польши. И там я видел на многих лицах кривую гримасу, слышал вдогонку злой шепот.

И вот Негорелое. Нам крепко жмут руки, мы слышим громкое русское: «Здравствуйте!» И видим дружеские улыбки на лицах. Контраст этот был настолько резок, что я и по сей день помню и горькое чувство, испытанное мною в Берлине, и первую в жизни по-настоящему радостную минуту на платформе в Негорелом. Здесь начиналась страна, где так легко и вольно дышится человеку. Впервые я смог гордо расправить плечи, высоко поднять голову, впервые я мог от души петь песни, подобные той, которую теперь я пел в кабине самолета, подлетая к Москве.

Своими глазами я увидел, что в СССР все подчинено основному — счастью всех людей, невзирая на их национальность. Я видел, как зрители аплодируют узбечке Тамаре Ханум, как ученые в Институте Севера помогают развитию некогда отсталых народов.

Как-то я беседовал со студентами одного из американских университетов. По их твердому убеждению, для того, чтобы негр достиг до уровня цивилизованных людей, необходима всего какая-нибудь тысяча лет. В СССР же я увидел молодых якутов-ученых, бурятов-артистов, кыргызов-инженеров, чукчей-врачей. Им не пришлось ждать веками милостей господ.

В Москве я пробыл недолго. Надо было уезжать. Вместе со своим соотечественником и товарищем по сцене Вейландом Родд я сидел на трибунах Красной площади под сенью древних кремлевских стен. Вейланд несколько лет жил и работал в Москве. Я рассказывал ему о том, как с каждым днем все труднее приходится артисту, и тем более цветному, в мире денег.

Прохожие приветствовали нас. Дети подбегали с криками: «Дядя Джим, дядя Джим!» — и обнимали Вейланда.

Я поинтересовался, не переменял ли он имя. Оказалось, что он снимался в фильме

Поль РОБСОН.

«Том Сойер», и все это — проявление симпатии к его герою. Помню, тогда я по-хорошему позавидовал другу. Но я не понимал еще по-настоящему, что произошло в России и что я должен сделать, чтобы и на моей родине стало так же светло и радостно. Мне только захотелось, чтобы сын мой увидел этот чудесный мир, который был похож скорее на другую планету. Вернувшись в

Англию, я послал его в Москву учиться в советской школе.

В это время я и сам учился. Стал изучать общество, в котором жил, чтобы найти верный путь борьбы за равенство народов. Без этой борьбы я не представлял себе жизни.

Я выступал в различных городах Англии. Пел и для богатых и для бедных. Приглядываясь к своей аудитории, я увидел, что между первыми и вторыми — огромная пропасть. Белые труженики страдали так же, как негры в южных штатах. В их глазах я никогда не замечал к себе ни презрения, ни ненависти.

Я довольно часто ездил в СССР, обычно в канун нового года. Для меня было радостью услышать веселый голос моих русских друзей: «С новым годом!» — и ответить им искренно: «С новым счастьем!» Я видел, как с каждым годом хорошеет Москва, богатеет страна, становится все более и более зажиточными советские люди. СССР был оплотом моей мечты о преобращении мира.

В 1936 году я приехал снова в Советский Союз, на этот раз на длительный срок. Меня встречал мой сын. Он вырос и возмужал. Он гордился тем, что был пионером, и тем, что он лучше меня знает Москву. Вместе с ним в первый день мы отправились поклониться праху великого Ленина.

День за днем я узнавал о советской жизни что-нибудь новое. Вместе с друзьями я бывал на фабриках, на заводах и в колхозах. Я видел, с каким энтузиазмом трудятся люди. Как это было не похоже на привычную с детства картину! В стране социализма и искусство было подстать времени. Мне как художнику было чему поучиться и чему порадоваться.

Не в первый раз я столкнулся с русской литературой и искусством. Сегодня, будучи гостем на пушкинских празднествах, я вспоминаю имя Пушкина с любовью и нежностью. Это был первый русский поэт, о котором я услышал. Его творчество вдохновляет меня на протяжении многих лет. Строки его стихов и прозы я перечитываю вновь и вновь. Весь мой народ чтит его память.

Я много лет мечтал о том, чтобы изучить русский язык, чтобы читать любимого поэта в подлиннике. Мне удалось осуществить

мою мечту. Я знаю наизусть по-русски много строк из гениальных пушкинских творений, стоящих в ряду лучших произведений литературы всех времен и народов. В своем творчестве я не раз возвращался к ариям и романсам на тексты великого русского поэта.

В Филадельфии и Чикаго имели большой успех ария Бориса Годунова, написанная моим любимым композитором Мусоргским, романс Римского-Корсакова «Анчар» и сочинения советских композиторов на тексты Пушкина.

Пушкина любят во всех странах. Его переводят лучшие поэты. В Париже во время Всемирного конгресса сторонников мира два славных героя борьбы против империализма, Пабло Неруда из Чили и Николас Гильон с Кубы, читали мне замечательные переводы Пушкина на испанский язык.

Пушкин открыл мне русскую культуру. Вслед за ним я прочитал в подлиннике Гоголя, Горького, Маяковского и многих других писателей — классиков и современников.

Я много пел в СССР. Нигде и никогда я не имел более благодарной аудитории. Я чувствовал, что советский народ по-настоящему ценит своеобразие негритянской народной музыки.

В Москве я имел возможность широко познакомиться с советской культурой. Не забуду восхищения, испытанного мною на спектаклях МХАТ и Малого театра. Советские мастера театров не замыкаются в своей среде. Они охотно помогают тем, кто обращается к ним за советом. Помню, я разучивал в 1937 году «Отелло» по-русски, и мне трогательно и заботливо помогала в этом соратница Станиславского и Немировича-Данченко — старейшая артистка МХАТ Халютина.

А сколько удовольствия я получил в детском театре! Как-то я смотрел там спектакль «Негритенок и обезьяна». Трудно приходилось малышу-негритенку. И дети-зрители переживали вместе с ним. В антракте ребята обступили меня и уговаривали не уезжать из СССР, остаться здесь навсегда.

Я подумывал тогда об этом. Но я должен был вернуться к своему народу, быть с ним вместе, бороться за его свободу...

(Продолжение следует).

4 ИЮН 1940 АДЖЕНДИНА ПРАВА МОСКВА